

Е. П. Щеглова

ВЕЛИКАЯ ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Чем можно завершить разговор о прекрасном писателе совсем, по сути, недавней эпохи — Юрии Григорьевиче Слепухине? Сказаны, кажется, уже все слова о его большом таланте, об увлекательности его прозы, о его глубокой прозорливости, о подлинно историческом мышлении, о широте его мировоззрения...

И все-таки — нет. самого главного, даже принимая все сказанное во внимание, мы еще не сказали.

Самое главное — это подлинная высокая человечность, которая питает все его творчество. Высокая, настоящая, та самая, из которой только и берет свое начало русская литература и что сделало ее явлением всемирно-исторического масштаба. Своих героев Ю. Слепухин проводит и через страшные военные, фронтовые испытания, и через оккупацию, и через плен, и через немецкие трудовые лагеря, и через бомбежки, не оставляющие ничего живого; он не боится касаться самых больных, самых тревожащих вопросов, на которые нет и не может быть однозначного ответа, он знает и тяжесть жизни своих соотечественников на чужбине, куда выкинула их несчастная и жестокая наша родина, и то, как-то живет художнику в невыносимо далекой Аргентине, и трудности, с которыми сталкивается человек юный, едва-едва входящий в жизнь; он не боится заглянуть и в глубины истории, весьма далекой, и в жизнь школьников 70-х годов, тоже по-своему нелегкую, со своими бедами и проблемами, и в мысли такого сверхъестественного злодея, существа явно *нечеловечьего рода*, каким был Сталин.

Но — повторяю — мы сейчас не об этом. Точней, не только об этом.

Мы — о том, что Юрий Григорьевич Слепухин принадлежит к числу писателей глубоко гуманистической

направленности. Горячее, неослабевающее *сочувствие* человеку, брошенному в земной ад XX столетия, понимание того, что именно человек, венец творения, смысл и цель развития земной цивилизации, стал на наших глазах, в не такое уж далекое время (да и сейчас является) разменной монетой в политических играх, что на нем порой ставятся эксперименты, от которых не выживут и лабораторные животные, что поругана святая святых — человеческая любовь и преданность, что детские слезы в минувшем веке текли уже не слезинками, а целыми потоками, и это простить невозможно, невысказано, и надо, отыскивая истоки тех трагедий, все-таки первым делом не обвинять, точнее, не только обвинять, а прежде всего *сочувствовать*, жалеть, сострадать, — вот на чем стоит творчество Ю. Слепухина.

И вот что делает его прямым продолжателем гуманистической традиции литературы XIX века.

Подумать только: жгучая жалость к невинным, как самый больной, самый насущный вопрос, на котором стоял и стоит свет, — после катаклизмов ушедшего века, когда в топку истории чужие жизни кидались миллионами!..

Мне в этой связи хотелось бы вспомнить дискуссию, развернувшуюся в 2011 году. Она, возможно, и не заслуживала бы внимания, если бы не касалось тех самых вопросов — коренных, насущных, которые, как оказалось, отстоят от нас совсем не так далеко, как кажется. Итак, в 2011 году Юрию Слепухину исполнилось бы 85 лет. «Литературная газета», № 31, в этой связи помещает на своих страницах мою статью под названием «Остарбайтер». В ней отдается дань глубокого уважения к памяти писателя-гуманиста. Он-то, написано было в ней, сам переживший оккупацию, а следом за ней попавший в немецкий трудовой лагерь, прекрасно понимал, какими жертвами чаще всего оборачивалась злосчастная подпольная борьба в тылу врага, сколько мирного населения, совершенно к ней непричастного, погибло напрасно, какой кровью оборачивалась зачастую идеологическая пропаганда того времени с обеих сторон. Жизнь в оккупации Ю. Слепухин знал не понаслышке. Оттого и заступался прежде всего за тех, кто не мог себя

защитить. Ведь кто остался в оккупации? Не взрослые мужчины, ушедшие на фронт. Остались там — женщины, дети, старики. Собственно, те, кого и ушли защищать на фронт те самые мужчины. Кстати, вооруженные, в отличие от безоружных крестьян и горожан.

И подставлять их, безвинных и безоружных, под немецкие пули, причем сознательно, зная, что они стали в оккупации кем-то вроде заложников чужих амбиций и безапелляционных приказов, — не была эта политика советских властей безжалостной чуть ли не до людоедства? И не стоит ли над ней сегодня, спустя 70 лет с начала войны, задуматься так же, как задумываемся мы над истоками репрессий сталинских времен? Да и всех последующих жестокостей, которые нам расхлебывать еще не одно столетие.

Но — нет.

Выступивший с резкой отповедью по поводу этой статьи петербургский писатель Д. Каралис недвусмысленно напомнил нам, насколько традиции сталинского отношения к человеку как винтику государственной машины, как всего лишь пешкам в политических играх диктаторов, у нас живы. Да, мирные люди погибали, притом десятками тысяч, и никто за это не понес наказания, никто не ответил, никто даже особо не вдумался, почему все это произошло. Но так и должно быть! Потому что главное — убивать врагов. Пусть за фашиста, подстреленного каким-то юнцом, убили всех жильцов близлежащего дома (сожгли деревню вместе с жителями, повесили для острастки населения пару-другую первых попавшихся). Погибших ни за что людей, включая младенцев, должна была, видимо, согреть мысль, что они гибелью своей внесли свой вклад в великую победу.

А миллионом погибших больше — миллионом меньше, не так и важно.

Всякое же иное отношение к партизанской и подпольной борьбе в тылу врага — геббельсовская пропаганда, играющая на руку врагам.

Мне думается: прочитай Юрий Григорьевич такую «защиту» своих книг — он подумал бы, что писал их напрасно. Что

главная их мысль, самый больной нерв до читателя, увы, не дошли. Или это просто такой читатель попался специфический, можно сказать, слепой и глухой, — не видит очевидного, не замечает главного... Как глухой в опере, как слепой в картинной галерее.

А книги эти надо *прочесть* и *понять*. Не стоит к тому же забывать, что действие их протекает вовсе не в партизанском крае, а на юге Украины, где лесов нет вовсе, а значит, нет и партизан. Речь в романе «Тьма в полдень» идет вовсе не о партизанской войне, а о трагических последствиях свирепой сталинской пропаганды, жертвами которой стали и мирные жители, и те самые безусые мальчишки, не доигравшие в войну и не понявшие, в какую страшную авантюру оказались замешаны.

Они, впрочем, тоже погибли, и о чем они думали в последнюю свою минуту, — мы про то никогда не узнаем. Чего-чего, а убивать своих детей Россия умела всегда. И не разучилась по сей день.

А шире — не в одном Д. Каралисе, конечно же, дело.

Дело в том, что в этой дискуссии до крайности остро схлестнулись два взаимоисключающих отношения к человеческой личности, ко всей массе проблем гуманизма, как раз для Слепухина крайне острых, поскольку, повторю, он был прежде всего гуманистом. Не стратегом, не проводником генеральной линии, не идеологом социализма или любого другого «изма» — он был гуманистом. То есть — человеком, стоящим *над* всякой идеологией, над сиюминутными потребностями государства, даже *над* стратегическими задачами, естественными для государства во время войны (а не спустя десятилетия после ее окончания), воплощающим в своем творчестве идеи вечные. Идеи, защищающие человеческую личность, понимающие ее абсолютную ценность в любые времена, наконец, понимание того, что война ведется не в защиту какого-то политического строя, не для утверждения господства какого-либо государства на мировой арене, а в защиту — всегда и прежде всего — человека.

В творчестве Ю. Слепухина мы видим продолжение и развитие тех самых идей, которые питали творчество Льва

Толстого (а все мы помним его слова из «Войны и мира» о том, что «совершилось самое противоестественное человеческой природе событие — началась война»), писателей-антимилитаристов, таких, как Эрих-Мария Ремарк, Анна Зегерс, Эрнест Хемингуэй. Наконец, целой плеяды советских писателей, творцов как лейтенантской прозы — Григория Бакланова, Виктора Некрасова, Юрия Бондарева времени его лучших произведений о войне, Владимира Богомолова, так и тех, кто писал о *солдатской правде*, — это Виктор Астафьев, Вячеслав Кондратьев, Василь Быков, это поэты Борис Слуцкий, Александр Твардовский, Юрий Левитанский, Алексей Недогонов. Это целый огромный мир, созданный в самый страшный век — XX, — когда очень много говорилось о проблемах, как нам нередко казалось, глобальных, политических.

А в итоге оказалось, что глобальная проблема минувшего века — та же самая, что и прежде, что и в веке 19-м: это проблема «человек и насилие», «человек и другой человек», «человек как смысл существования человечества». **Человек и милосердие.** И именно в свете всего произошедшего эти проблемы как раз в минувшем веке обострились как никогда. Они словно высветились с огромной силой.

Человек — цель литературы и цель существования человечества. И никакая идеология, самая, казалось бы, рациональная, продуманная, логичная, не должна, не имеет права оправдывать уничтожение либо гибель другого человека.

В XX веке мы уже увидели, что происходит с человечеством, когда оно забывает эту простую истину.

Казалось бы, странно сопоставлять книги Слепухина о войне с книгами писателей-фронтовиков. Волею судьбы он оказался среди не воевавших (хотя, живи он подальше от границы, мог попасть и на фронт в последний год войны), а пострадавших. И писал он главным образом не о боях, а о жизни в оккупации, хотя в его военной тетралогии нашлось место всему, и боям в том числе, и жизни в Германии. Но все писатели-антимилитаристы, даже сами прошедшие войну, в отношении главной составляющей своего творчества есть люди одной направленности. Есть продолжатели великой традиции литературы, думающей прежде всего о человеке

и понимающей, насколько страшен стал мир, когда в угоду чему-то иному, *нечеловеческому*, человека попирали.

Это ведь только литература социалистического реализма (он же — социалистический классицизм) занималась исключительно победами, всенародными праздниками и трубила в фанфары, возвеличивая очередного дутого царька. Вековечные традиции русской и мировой литературы предписывали литературе настоящей заниматься совершенно другим — **человеческим страданием**.

Нет, Слепухин не забывал о том, что шла война и на кон было поставлено само существование человечества. Про это забыть было невозможно. Его герои — патриоты, и отдали они свои жизни, только-только начавшиеся, за свою родину. Но он понимал, как всё непросто в нашем несчастном отечестве. Он понимал, что именно тут, на войне, остро схлестнулось отношение к человеку как к пешке, расхожей монете — с отношением к человеку бережному, уважительному. Даже на войне. *Тем более на войне*. Казалось бы, именно война напрочь отсекает такое отношение к человеку. Но — нет. Именно гуманизм сделал эту литературу великой.

И тут безусловно одно из ведущих место принадлежит Слепухину.

Он, прозорливый художник, видел, что сталинский режим за 20 предшествующих войне лет сделал все, чтобы убить в людях само понятие о добре, милосердии, честности, уважении. Как режим этот, самый свирепый в истории человечества, убивал и изгонял из страны самых лучших и умных, с какой ненавистью относился к невольным эмигрантам, как презирал интеллигенцию, равно как и крестьян — становой хребет страны. Нет, не потому была, по существу, разгромлена кадровая советская армия в июне-июле 1941-го, что, как привычно говорилось в учебниках, «история отпустила нам мало времени» для подготовки к войне. «Все было точно наоборот, — с горечью пишет сегодняшней историк М. Солонин, анализируя причины разгрома. — Два десятилетия свирепого разрушения всех норм морали и права, всех представлений о чести и достоинстве дали, к несчастью, свои ядовитые плоды».

И лучшие, самые любимые герои Слепухина прекрасно понимают, как всё тут, в нашей истории, непросто. Ведь родина, даже замученная, выпотрошенная, опустошенная, — все равно родина. Другой у нас нет и не будет. В ее земле лежат твои — наши — предки.

И отдать жизнь за свое Отечество, сказано в третьем романе военной тетралогии, действительно «сладостно и почетно».

Но до чего же горько!

Юрий Слепухин очень любил жизнь — каждой клеточкой своей, каждой минутой своего существования. Он любил женское, вечное, драгоценное начало жизни, вот почему в его романах так много самой стихии любви. Его героини, куда бы их не забросила злая судьбина, рождены не для борьбы, а для любви. Эта их любовь простирается от Аргентины до Германии, от Украины до России. Они проносят ее через фашистскую неволю, через фронт, через оккупацию, они хранят верность любимым тогда, когда ничего не знают об их судьбе — а судьба немилосердна к людям в XX веке, они верят, ждут, надеются, помнят.

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не мыслит зла, не радуется неправде, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит...»

И так же глубоко он чувствовал силу и преобразующую власть культуры. Интеллигенция — вот кого он, вслед за М. Булгаковым, считал *лучшим классом страны*. Та правда ума, которой щедро был наделен Ю. Слепухин, говорила ему всегда — эти люди и есть то, что осталось сегодня у России. Ее истинная и неиссякаемая ценность. Не золото, не алмазы, не нефть: интеллигенция. Хрупкая, стойкая, сильная. Почти побежденная. Почти уничтоженная.

Но уничтожить ее до конца так же невозможно, как убить в людях любовь, в литературе — правду, в искусстве — вечность.

Не дай Бог, если снова захлестнут нас никого не щадящие бури какого-нибудь очередного всемирно-исторического идиотизма. Нас ведь так мало осталось, и планета стала хрупкой и маленькой, и человек беззащитен даже больше, чем прежде...

ЮРИЙ СЛЕПУХИН: XX век. Судьба. Творчество

Его, беззащитного перед злом и насилием, как всегда это было в истории, надо беречь — как дрожащий огонек свечи, которую несешь в руке. Надо знать, каково приходилось ему в минувшем веке, через что он прошел, что вынес, чего вынести не смог. У нас нет других ценностей в мире, кроме жизни.

Спасибо Вам, Юрий Григорьевич, что Вы учили нас это понимать.

